

■ ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Д.Н. ШАЛИН

ЧЕЛОВЕК ОБЩЕСТВЕННЫЙ: ГАРВАРДСКОЕ ИНТЕРВЬЮ С ЮРИЕМ ЛЕВАДОЙ

Первый раз я увидел Юрия Александровича в аудитории исторического факультета Ленинградского государственного университета перед защитой докторской диссертации Владимира Ядова. Кто-то из приятелей с философского факультета, где я тогда учился на втором курсе, указал на человека, стоявшего чуть в стороне с отрешенным видом артиста за минуту до выхода на сцену. Это был Левада, уже тогда человек с именем — его работы были хорошо известны ленинградским социологам. На автореферате Ядова анонсирована дата защиты диссертации: 23 марта 1967 года¹.

Левада выступал оппонентом на заседании ученого совета, но услышать мне его тогда не удалось. То ли нужно было сдавать зачет, то ли еще что-то помешало, но на самой защите я не присутствовал. Наши пути пересеклись лишь много лет спустя в Гарвардском университете, куда Левада приехал по приглашению Русского центра. Я был там же в это время в качестве визитирующего ученого. Время было необыкновенное: 1989–1990 годы, перестройка, конституционные реформы, прения в Верховном Совете, и за всем этим можно было наблюдать в прямом телевизионном эфире. К полудню визитирующие ученые и профессора из Гарварда стекались в комнату отдыха Русского центра посмотреть передачи из Союза и поделиться впе-

---

Шалин Дмитрий Николаевич — Ph.D., профессор кафедры социологии Университета Невады (Лас-Вегас), директор Центра демократической культуры. Адрес: 4505, Maryland Pkwy, Box 455033, Las Vegas, NV 89154-5033. Телефон: 702-895-0259. Электронная почта: shalin@unlv.nevada.edu

¹ Я признателен Борису Докторову за уточнение даты защиты диссертации В.А. Ядова.

чатлениями о сногшибательных новостях. В Центр с докладами приезжали ученые, политики и журналисты, и тогда же родилась идея провести серию интервью с людьми, пережившими советскую систему и участвовавшими в перестроечных реформах. Первое интервью из этой серии я взял у Б. Грушина и Н. Карцевой 11 октября 1989 года. 8 февраля 1990 года состоялась беседа с Ю. Левадой и Е. Петренко. За тем последовали интервью с И. Коном, В. Паниотто, В. Голофастом, Г. Саганенко, В. Селюниным, В. Найшулем. Последнее интервью гарвардского цикла было записано в 15 мая 1990 года с Г. Ханиным.

Через год после нашей встречи Левада согласился принять участие в первой конференции по русской культуре, состоявшейся в ноябре 1992 года в Университете Невады. Здесь он сделал сообщение о политической культуре в современной России. Доклад вошел главой в сборник статей участников конференции [1]. Помню, возвращаясь с коллегами в машине из прогулки по Лас-Вегасу, я увидел одинокую фигуру пожилого человека с каким-то портфельчиком или папкой в руке, ковлявшего в направлении гостиницы (она располагалась на приличном расстоянии от неоновых центра Лас-Вегаса). Это был Левада. По какой-то причине он с нами не поехал, пошел гулять один, но теперь заметно устал и с видимым облегчением принял мое предложение подвести его к отелю.

Последний раз я встретился с Левадой 16 июня 1993 года в Москве. Разговор получился коротким, он явно был чем-то занят, и я не хотел отрывая его от дела. Левада помог мне связаться с Алексеем Левинсоном и Борисом Дубиным, за что я ему был признателен. С его подачи оба согласились дать мне интервью. Магнитофонная запись доносит шум времени, выплескивая стершиеся из памяти эпизоды. К концу разговора с Дубиным в дверь комнаты, где шла беседа, постучали, слышится голос Левады: «Я прошу прощения, Боря, к вам барышня». Больше с Юрием Александровичем мне свидеться не пришлось, хотя в последние годы я изредка слышал его выступления по «Радио Свобода» и на «Эхе Москвы».

* * *

В тот февральский вечер 1990 года Ю. Левада и Е. Петренко любезно согласились прийти ко мне домой (я жил тогда в Бостоне с женой и двухлетней дочкой). Интервью заняло полтора часа. Улучив момент, когда первая сторона пленки кончилась и Левада вышел из комнаты, Лена Петренко заметила: «Он никогда еще так не говорил. Похоже, он диктует свое послание». То, что я присутствую при необычном разговоре, было очевидно уже тогда, но действительное значение этого события мне стало ясно позже, в 2006 году, когда вместе с Борисом Докторовым мы решили создать онлайн-проект «Международная биографическая инициатива» (МБИ) и я взялся всерьез за расшифровку бесед

Гарвардского цикла, а затем еще двух десятков интервью, записанных на протяжении последующих шести лет².

Левада неоднократно касался событий, связанных с публикацией его «Лекций по социологии» [7], но обычно ограничивался несколькими предложениями, избегал называть участников событий поименно и не вдавался в обсуждение переживаний той поры. Он вообще не любил привлекать внимание к собственной персоне, хотя быстро отзывался на чужую боль. В гарвардском интервью Левада выходит за рамки общеизвестной фактологии, называет конкретные имена, дает оценки и, что особенно непривычно, описывает свою эмоциональную реакцию на события тех лет³. Не знаю, чем объяснить неожиданную готовность к мемуарным откровениям обычно скупого на слова человека — интересом к его выступлению в Гарварде, самим фактом пребывания в США (это была чуть ли не первая заграничная поездка Левады), неформальной атмосферой встречи с бывшим соотечественником, — но интервью получилось откровенным и содержательным. Как замечает Б. Докторов в своих комментариях⁴, если бы этот текст был опубликован сразу после записи, он скорее всего не вызвал бы

² Сайт «Международная биографическая инициатива» — <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html> — создан на базе Центра демократической культуры Университета Невада в Лас-Вегасе. Этот американо-русский проект посвящен истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода. Сайт — англо-русский, но большая часть представленных текстов написана по-русски. Собранные к настоящему времени материалы представлены следующими рубриками: *Интервью, Воспоминания, Документы, Дополнения, Комментарии, Публикации, Некрологи, и Статьи*. В них можно найти более сотни интервью, мемуаров и автобиографических заметок известных российских социологов, а также множество статей и материалов документального характера. Проф. Б. Докторов и проф. Д. Шалин являются содиректорами проекта. Проф. Б. Фирсов консультирует часть данного проекта, связанную с историей социологии в России, к. филос. н. А. Алексеев консультирует материалы по биографическому методу. К. филос. н. Л. Козлова и к. филос. н. Н. Мазлумянова являются редакторами-консультантами. К настоящему времени на МБИ сайте размещены интервью Д. Шалина с Г. Старовойтовой, Ю. Левадой, В. Голофастом, А. Алексеевым, Г. Саганенко, Л. Кесельманом, О. Божковым, В. Шейнисом, А. Назимовой, А. Левинсоном, Б. Дубинным, В. Селониным и И. Коном. Там же можно найти биографические материалы, собранные в рамках других проектов. Задачам МБИ и значению биографических исследований посвящены публикации [2–6].

³ Через шесть лет после гарвардского интервью Левада расскажет о событиях, связанных с его уходом из Института конкретных социологических исследований, Г. Батыгину [8].

⁴ Эти и другие комментарии к интервью Ю. Левады, на которые ссылается автор статьи, будут опубликованы в следующем номере «Социологического журнала». — *Прим. ред.*

такого интереса. Не исключено, что Левада счел бы его публикацию, по крайней мере, в настоящей редакции, неуместной. Но Юрия Александровича с нами больше нет, значимость его слов сомнений не вызывает, и вот, спустя 18 лет, интервью становится достоянием широкой общественности.

В центре обсуждения — события, связанные с выходом в 1969 году «Лекций по социологии». Как видно из интервью, Левада не придавал особого значения этой работе («сама книжка особого значения не имела и не имеет, я так всегда думал») и последовавшей разоблачительной кампании («никаких особенных внутренних переживаний я не испытывал»). Но он говорит с тревогой о прерванных на время связях («я имел очень хороший коллектив людей, с которыми любил работать, и представить себе, что я должен с ними расстаться, мне было очень больно») и необходимости заново искать интеллектуальную нишу и налаживать профессиональные отношения («это было несколько тоскливо и болезненно»). Однако старые отношения удалось восстановить, Левада возродил свой семинар, и тот просуществовал почти до перестройки, не давая прерваться столь важной для интеллигенции связи времен [9].

Левада подчеркивает, что у него нет личной неприязни к людям, сыгравшим неблагоприятную роль в его судьбе, что он не любит морализировать, а старается понять социальную природу позиции, занятой человеком в критической ситуации: «Руткевич — это общественное явление. Меня он волновал постольку, поскольку он мешал работать другим людям. Сам по себе он просто неинтересен» [9]. Позиция Левады во время антисоциологической кампании конца 1960-х — начала 1970-х годов весьма примечательна. Здесь он себя проявляет не просто как жертва гонений, но как социолог, субъект включенного наблюдения, отдающий себе отчет о природе социальных сил, заложником которых он оказался и суть которых станет предметом его изучения. Здесь же вырисовывается одна из ключевых тем его раннего творчества: выбор в условиях формальной несвободы.

В 1967 году на конференции в Кяэрику по ценностным ориентациям Левада выступает с докладом, в ходе которого напоминает аудитории о том, что у В. Ленина в аттестате зрелости стояла «пятерка» по закону божьему, и комментирует это так: «Почему ни у кого особенного удивления это не вызывает, потому что совершенно понятна ситуация человека в данной среде, в данном поведении. Некоторый формальный конформизм является необходимым для человека, который не согласен с обществом, и, тем не менее, вынужден в нем жить и работать. Иначе он не сможет и свои задачи и свои идеалы реализовать» [10, с. 29–30]. После «наезда» на Леваду за публикацию «Лекций» проблема встанет перед ним лично, и не просто как теоретический казус, а как моральная дилемма, из которой он находит выход с редким для того времени достоинством и тактом.

24 ноября 1969 года проходит обсуждение «Лекций» на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. После критических выступлений берет слово Левада: «В целом дискуссия за эти два вечера содержит много интересного и поучительного. Если бы ее записать и издать, распространить, получился бы ценный материал в помощь изучающим проблемы социологии, может быть, он вызвал бы не меньший интерес, чем “Лекции”» [11]. Сам факт обсуждения представляется Леваде феноменом знаковым — и здесь он совершенно прав. Это историческое событие, и распределение ролей между его участниками заслуживает детального социологического анализа.

Левада выражает готовность «отвечать на принципиальные моменты критики и, не комкая, выразить свое отношение к ней», но возражает против огульного тона некоторых выступавших, и не высказывает желаний «идеологически разоружиться»: «К сожалению, на дискуссию в этом зале с самого ее начала, с первого дня, повлияли некоторые совершенно посторонние научной атмосфере элементы, налет какого-то сенсационного “разоблачительства”, который сказался в ряде выступлений... Ю.Н. Семенов сказал, что я здесь в качестве “подобсуждаемого”. Не согласен с этим, считаю, что обсуждается проблема, способ ее освещения в моей работе. Это значит, что я вправе выражать свое отношение к собственной работе, а также рассматривать тон и качество критики».

Левада разграничивает «а) квалифицированную, деловую, содержательную критику, с которой тоже не всегда можно согласиться сразу, но которую следует учитывать и обдумывать и б) порой осторожные по форме, а порой и крайне резкие упреки в *идеологических* и едва ли не политических срывах...» Далее он говорит: «Как ученый и как коммунист я не могу и не хочу обходить молчанием безосновательные упреки, которые, как мне сейчас кажется, иногда основывались на недоразумениях, но иногда превращались в совершенно недостойные». По ходу выступления Левада обосновывает необходимость различать исторический материализм и социологию, защищает роль теорий среднего уровня, говорит о месте конкретных социологических исследований в марксистском обществоведении, указывает на многолетнюю историю и продуктивность дискуссии по данному вопросу и призывает удвоить усилия по созданию системы социологического знания и обучения в стране.

Главный недостаток своей публикации он видит в упрощенном толковании некоторых теоретических вопросов, вызванном необходимостью излагать сложные проблемы на языке, доступном неподготовленной аудитории, и поспешностью в подготовке к публикации первого в России учебника по социологии. Он, в частности, соглашается с И. Коном, который убедительно показал, что если в университетских лекциях можно было «избегать повторения “истматовских” тем,

ссылаясь на материал других учебных курсов, в этих «Лекциях» так поступать не следовало, нужно было показать «мосты» между разными подходами к проблеме в марксистской науке». И тут же добавляет: «Букварь — тоже оружие в идеологической борьбе, если велика неграмотность или малограмотность. А вот крикливые и безграмотные сочинения некоторых наших «профессиональных критиков», неспособных ни одну проблему поставить и разъяснить, — вот это, по-моему, образец непартийности, капитулянтства, сдачи позиций. Если истина — за нас, то без объективного подхода к проблеме нет и партийности» [11].

Человеку, не знакомому с политической ситуацией тех лет, позиция Левады может показаться естественной, если не сказать ординарной, но для тех, кому пришлось присутствовать при идеологических разборках на комсомольско-партийных собраниях той поры, экстраординарность поведения Левады очевидна. Обсуждение «Лекций» прошло вслед за чехословацкими событиями, после того как первая волна протестов встретила жесткую реакцию властей. Людей уже увольняли с работы, и усиление идеологической борьбы на всех фронтах предвещало кадровые чистки. В гарвардском интервью Левада замечает, что он был готов подписать одно из протестных посланий тех лет: «Если бы я увидел текст, который подписали два-три хорошо мне известных человека, положим, Иванов, Пятигорский, Седов, то подписал бы тут же [и] даже не особенно внимательно бы прочитал, зная, что там написано то, что нужно». Но письмо с осуждением советского вторжения в Чехословакию до Левады не дошло. Теперь, два года спустя, он с честью проходит испытание на прочность и порядочность, хотя и отклоняет звание диссидента: «Я знал людей многих, которые с этим [диссидентством] были связаны, в какой-то мере помогал. Никаких ни угрызений, ни опасений по этому поводу не было, но специального участия в работе я не принимал». Там же он объясняет свое отношение к движению диссидентов, говорит и о его тактических ошибках: «Были отчаянные диссиденты. Вы знаете, это был замкнутый круг. К сожалению, дело свелось к тому, что они защищали не права граждан, а права друг друга. Их сажали, они друг за друга боролись, тех сажали, и так далее. Эта организация так вот специфически работала» [9].

Перечитывая документы тех лет, видишь то, чего не могли предвидеть участники АОНовской проработки. Политический климат в СССР менялся, и само существование социологической науки в стране вскоре оказалось под вопросом. На партийном собрании ИКСИ АН СССР 4 декабря 1969 года Геннадий Осипов еще отвергает «необоснованные выпады» против книги Левады, ссылаясь на «мнение дирекции и А.М. Румянцева, что различные политические нападки на Ю.А. Леваду должны быть полностью отменены», и предлагает «дать ему творческий отпуск до 3 месяцев на переработку «Лекций по со-

циологии”». Такой вот сюр: ни официозной критики, ни партийных взысканий, а три месяца творческого отпуска на доработку книги. Но пять дней спустя, на собрании партбюро ИКСИ АН СССР 9 декабря 1969 года, где присутствуют представители райкома и горкома партии, Осипов уже утверждает, что в «Лекциях» не раскрыта роль исторического и диалектического материализма как основополагающей теории и методологии марксистско-ленинской социологии; принижен классовый и партийный подход к раскрытию явлений социальной действительности; не нашли должного отражения существенные аспекты идеологической борьбы», и ставит вопрос о том, что «Ю.А. Леваду следует освободить от обязанностей секретаря и вывести из состава партбюро, во изменение решения партбюро от 4 декабря» [11].

Судьба директора А. Румянцева и возглавляемого им института еще не решена, но ветер подул в другом направлении, предвещая смену политического сезона. Дискурс-машина какое-то время продолжает работать в режиме хрущевской «оттепели», но явно начинает буксовать, а ее пассажиры извлекают из запасников старые идеологемы и примеряют безликие маски.

На собрании партбюро В. Колбановский заявляет, что «в книге много недостатков», «мало содержательных материалов», не высказано должного «отношения к разным сторонам буржуазной социологии» и что он как редактор «Лекций» берет на себя долю ответственности за идеологические просчеты. В. Васильев отмечает, что «в книге много ошибок», обещает «извлечь урок» из обсуждения и требует ввести «жесткий порядок прохождения рукописей». Н. Лапин соглашается, что «нельзя оправдать практически полное отсутствие в лекциях упоминания о принципах истмата», указывает на «массу неряшливых формулировок, допускающих двусмысленные толкования не только у людей, которые стоят на марксистских позициях, но и у тех, кто не стоит на этих позициях». А. Галкину «особо бросился... в глаза абстрактный характер и неряшливость оформления лекций»; он считает, что «лучшим ответом Ю.А. Левады на критику является его будущий труд, т.к. мы знаем его как марксиста, квалифицированного ученого». По мнению В. Нейгольдберга, «в факте выхода курса лекций проявилась беспечность самого Ю.А. Левады и отсутствие должного порядка в редакционном отделе». Представитель райкома Б. Чаплин утверждает, что «можно было бы критиковать Ю.А. Леваду поострее. Надо развивать остроту критики, неліцеприятно выступать в борьбе за марксистскую идеологию».

Итоги обсуждения подводит Ф. Бурлацкий: «А.М. Румянцев и вся дирекция заняли твердую, последовательную позицию в отношении лекций. Не только Г.В. Осипов, но и я, и А.М. Румянцев несем ответственность за порядок в институте. Оценка дирекцией “Лекций”

Ю.А. Левады была дана А.М. Румянцевым в выступлении на дирекции и активе института, Осиповым и мною — на дискуссии. Лекции не отражают уровня исследований в ИКСИ, не отражают позиций ИКСИ по многим принципиальным вопросам. Лекции содержат много серьезных ошибок. Надо всегда подчеркивать, что истмат всегда будет основой общей социологической теории; категории, понятия истмата должны пронизывать все наши исследования. Самое важное — классовый, партийный подход».

И сам Левада меняет тон. Выражая готовность принять «все принципиальную критику», он признает свою «безответственность», «отсутствие связей с мировоззренческими установками», «партийную и политическую сторону тех ошибок, которые... допустил», личную ответственность «как коммуниста и секретаря партбюро за выпуск недоброкачественной работы». «Для меня, — говорит Левада, — как и для всех нас, не существует проблемы работать или не работать на основе марксизма, истмата и диамата». Но тут же добавляет: «Это надо делать в творческой работе». В результате обсуждения Леваду выводят из состава партбюро ИКСИ и объявляют ему строгий выговор [11].

В гарвардском интервью есть такая фраза: «Я не могу припомнить ни одной ситуации, когда бы я говорил, или писал, или заявлял то, чего я не думаю» [9]. Какие-то иллюзии по поводу марксизма в 1970-х годах у Левады еще, наверное, были. Но были и сомнения по существу и по форме выражения. Одновременно шел интенсивный поиск новых путей в социологической теории⁵. Левада указывает на сложность ситуации в связи со своей статьей о марксистской антропологии [13], где он осторожно ставил вопрос об ограниченности модели экономического человека, унаследованной Марксом из XVIII века: «Писали то, что думали, но там была система шифровки, старались не договаривать до конца. [Характерна в этом отношении моя] статья об антропологии Маркса, о том, как понимал Маркс человека, написанная к столетию с его смерти. Статья была, по-моему, вполне ничего себе... То есть я думаю, представление Маркса о человеке принципиально неверное, идущее из восемнадцатого века, а вместе с этими представлениями все остальное тоже неверно». Действовала

⁵ «Стиль работы Левады 1970–1980-х годов лишь отчасти обусловлен соображениями “проходимости” и цензуры, а также неопределенности его положения — представится ли еще повод изложить свои мысли или нет. Более адекватным объяснением, как мне кажется, было бы указание на предельную сосредоточенность мысли автора на проблемах, которые в принципе не рассматриваются в отечественной социальной науке, оставшейся, по сути, эпигонской: это общая теория социологии и ее главные составляющие — аналитические возможности концептуального схватывания разных типов человека и соответствующая им организация социальных форм» [12].

система шифровки, система двойного сознания, которая не могла не отразиться на публичных высказываниях. Но стратегия поведения Левады в целом не вызывает нареканий. Это пример разумного, по его терминологии «формального», конформизма, неизбежного в условиях несвободы⁶. О необходимости действовать с учетом рамок времени и играть в партийные игры Левада говорит в интервью: «Я не стеснялся того, что я занимал там [в ИКСИ] партийную должность, потому что это немножко связывало руки таким людям, как Осипов, и немножко помогало что-то делать. И я тогда мог бы чуть-чуть похвастываться, хотя и ничего особенного, что ни в какие трудные времена у нас не только не уволили ни одного подписанта и ни одного еврея, а, наоборот, изо всех сил брали на работу». Левада, безусловно, заслужил свой моральный авторитет, признанный его коллегами, друзьями и недругами. Другое дело, какую цену он заплатил за этот статус и какой социологический урок извлек из этого испытания.

* * *

Обращаюсь к «Лекциям по социологии». Два тонких томика в мягкой зеленой обложке с грифом Советской социологической ассоциации и Института конкретных социальных исследований. Первый за номером 20 подписан к печати 02.03.69, второй, номер 21, датирован 16.05.69. Тираж первого тома — 980, второго — 1000 экземпляров. Ответственные редакторы В.В. Колбановский и Л.А. Воловик. Полстранички предисловия автора о лекциях, прочитанных осенью 1967 года для студентов-журналистов МГУ. На основе стенограммы этих лекций и была издана книга.

Левада неоднократно подчеркивал, что «Лекции» не представляют научного интереса, что их публикация была поспешной и во многом неудачной попыткой заполнить вакуум учебной литературы по социологии. Отдавая дань его скромности, позволю себе с ним не согласиться. Работа во многих отношениях замечательная. Она имеет более чем историческое значение и должна занять должное место в корпусе теоретических работ Юрия Левады. «Лекции» сопоставимы с нашедшей в 1967 году «Социологией личности» Кона и одноимен-

⁶ Стенограмма суда над Иосифом Бродским, человеком, по природе своей внесистемным, содержит характерный эпизод. Судья требует от Бродского объяснений по поводу его образа жизни как поэта, на что Бродский отвечает: «Строительство коммунизма — это не только работа машиниста и колхозника. Это так же работа интеллигенции, которая...» [14]. Здесь судья обрывает Бродского, не давая ему закончить мысль, но суть пассажа очевидна. Вряд ли официальный дискурс колонизировал сознание Бродского; он лишь обнаружил компетентность подсудимого, вынужденного прибегнуть к «формальному конформизму», о котором говорил Левада.

ного курса, читавшегося им примерно в то же время в Ленинградском государственном университете⁷. Кстати, Левада ссылается в своих лекциях на эту книгу и другие работы Кона. Сравнение «Лекций» с «Социологией личности», анализ причин, по которым одно издание благополучно достигло читателя, а другое пошло под нож, еще ждет своего исследователя.

Поражает раскованность интонации автора «Лекций», широта его интеллектуального кругозора, актуальность его наблюдений и обобщений. Книга писалась для непрофессиональной аудитории, что, на мой взгляд, делает ее особенно интересной, поскольку предельно обнажает ход мысли автора и укорененность его социологического воображения в повседневной реальности.

На первой станице Левада замечает, что «от социологии многого ждут», и далее поясняет: «Сложное положение социологии у нас состоит в том, что, не достигнув такого уровня развития, как в некоторых зарубежных странах, она находится не только в центре внимания, но и в центре критики, к тому же и не вполне объективной» [7, т. 1, с. 1, 7, 8]. По ходу курса Левада касается традиционных вопросов марксистского обществоведения и его политической сверхзадачи, но делает это по-своему, давая понять проблематичность стандартных формулировок: «Конечно, социология, как и любая другая социальная дисциплина, не может остаться в стороне от идеологических проблем. Борьба идеологий — очень сложная разновидность современной борьбы на мировой и на внутренней арене. Но сейчас совершенно очевидно, что побеждать в этой борьбе с помощью громкого крика и брани нельзя, а уважать нашу страну и нашу науку будут тем больше, чем серьезнее мы будем думать и чем более строго исследовать наши собственные проблемы» [7, т. 1, с. 13]. В курсе лекций показано на многочисленных примерах, многие из которых специально нацелены на будущих журналистов, почему страна остро нуждается в социологической науке и конкретных социальных исследованиях. Конформизм, этнические предрассудки, конфликты на религиозной почве, засилье государственной бюрократии,

⁷ Бытует мнение, что левадовские лекции были первым в Советском Союзе курсом по социологии [15]. Это верно в том смысле, что до Левады социологическая наука не освещалась с такой тематической полнотой. Но были лекции, где социологическая тематика представлена достаточно широко и авторитетно. Пример тому — курс лекций по социологии личности в ЛГУ. И. Кон начал читать этот курс для студентов-физиков в середине 1960-х. Расширенный вариант курса читался для студентов-историков в 1966 году. Аудитория истфака, рассчитанная на 300 человек, не смогла вместить слушателей. Лекции были перенесены в актовый зал университета, рассчитанный на более чем 1000 слушателей. И этот зал не смог вместить всех желающих узнать про новую науку [16].

неравенство возможностей выходцев из различных социальных слоев, сужение поля свободы в массовом обществе, опасность для человечества институтов тоталитаризма — это вопросы, занимавшие либеральное сознание в постхрущевскую эпоху и находящиеся в центре курса по социологии. Понятно, почему лекции Левады вызвали такой интерес у слушателей и спровоцировали враждебное отношение у чиновников от науки.

В лекции о личности и ролевом поведении Левада приводит рассказ А. Яшина «Рычаги», который резко критиковали, и он вряд ли перепечатывался [7, т. 2, с. 13]. Колхозники собираются на партийное собрание, сетуют на невзгоды, нелепые требования со стороны начальства. Но вот начинается собрание, и люди меняют маски: бодро рапортуют о достижениях, берут на себя новые обязательства, легко переходя на язык бюрократии. Закончилось собрание, колхозники расходятся по домам, и опять звучат сетования на бессмысленность работы, мизерную оплату и смехотворные требования начальства. Разрыв между декларациями, чувствами и поведением останется объектом исследования Левады на протяжении всей его интеллектуальной карьеры.

Центральной в главе о ценностных ориентациях выступает проблема конформизма. В массовом обществе конформизм обнаруживает себя «не только в сфере образования, культуры, но и в сфере политической ориентации, [где] человек не может быть или не хочет быть свободным и индивидуальным, он заранее действует по созданным шаблонам» [7, т. 2, с. 57]. Проблема эта известна не только западным обществам, подчеркивает Левада: «Если происходит подавление всяческих индивидуальностей и групп, превращение их в серую, единую неподвижную массу, в монолит, который годится для пьедестала, но не годится для живого организма, — это явление болезненное. Если мы рассматриваем проблему применительно к нашему обществу, возникает вопрос: как может общество, которое ставит своей задачей сознательно руководить социальными процессами... противостоять тенденции к конформизму?» [7, т. 2, с. 60]. Такая постановка вопроса была естественна после разоблачения культа Сталина и его последствий, хотя и в хрущевские времена она могла вызвать гонения. После чехословацких событий — первый том «Лекций» вышел в свет через полгода после ввода советских войск в Прагу 21 августа 1968 года — взгляды Юрия Левады не могли не вызвать нареканий партийного руководства, озабоченного либеральными настроениями среди интеллигенции. Отсюда и клеймо, поставленное на лекциях Левады как «допускающих двусмысленные толкование». Впервые эта формулировка всплывает в речи Лапина и затем почти дословно воспроизводится в докладной записке в ЦК КПСС секретаря МГК КПСС В.В. Гришина, где Левада осуждается за «ошибочные формулировки,

дающие повод для двусмысленного толкования важных политических вопросов» [11]. В 1970-е и начале 1980-х обществоведы не раз будут обвиняться в расшатывании устоев советской системы под видом критики буржуазных течений.

Еще более «двусмысленными» должны были казаться партийным бонзам рассуждения Левады о природе фашизма и тоталитаризма. «Фашизм провозглашает “тотальное” общество, которое будто бы является единым и монолитным и в котором классовые и другие различия второстепенны и неважны. Для этой цели создается миф о нации или государстве... Отсюда возникает весь строй общества, власти, суда, идеологии, когда отдельно не нужно ни правосудие, ни научное мышление, — нужна власть, которая была бы всем: и судом, и разумом, и оправданием. Высшим критерием права, морали, истины оказывается фюрер, его власть... Один из признаков тоталитарного государства — полная ликвидация автономии отдельных общественных групп, сообществ, учреждений. Все должны действовать только в соответствии с интересами режима» [7, т. 1, с. 95–97]. В 1970 году, после обсуждения «Лекций», в пятом томе «Философской энциклопедии» выходит статья Левады о фашизме, развивающая сходные мысли. Формулировки в ней политически более «корректны». Фашизм здесь трактуется как «типичный продукт империализма 20 в.», «одна из форм реакционных демократических буржуазных движений и режимов, характерных для эпохи общего кризиса капитализма», «кризиса буржуазного парламентаризма» и «обострения классовых конфликтов». В гарвардском интервью Левада рассказывает, как редактор «Философской энциклопедии» академик Константинов черкнул на полях верстки статьи о фашизме: «Это про них или про нас?» После чего «редактор, достаточно приличный и достаточно хитрый человек, в нескольких пунктах написал слово “буржуазный”, то есть это не просто такая организация, а “буржуазная”» [9]. Прилагательное «буржуазный» применительно к фашизму встречается и в «Лекциях», но ненавязчиво, никак не приглушая ассоциаций с советским обществом. Благодаря более обтекаемым формулировкам публикация в «Философской энциклопедии» вышла в свет и стала важным событием, давшим широкому кругу интеллигенции возможность задуматься о параллелях между советским обществом и германским рейхом. Статья эта, как и обсуждение тоталитаризма в «Лекциях», не утратила актуальности по сей день.

* * *

В комментариях к гарвардскому интервью Алексей Левинсон обращает внимание на то, как Левада мастерски обрисовывает реакцию людей на его статус изгоя и изменение климата в академическом мире. Помимо интеллектуальных громил вроде Руткевича («он во всех отношениях нехороший человек... и все делал как-то непрямо») и чиновников из высших сфер, читавших Леваде нотации («Вы развали-

ли один институт, вы хотите развалить еще один?)), были там типажи с более тонкой рационализацией и стратегией выживания. В их числе «люди не очень далекие от меня [говорившие], что я всех подвел, что я высунулся», приятели, которые «зайдя в эту комнату и увидев, что я сижу за столом, обходили стол так, чтобы со мной не поздороваться», или коллеги, убеждавшие себя и других, что «мне же надо играть полезную роль, я тем-то и тем-то руковожу». Были и те, кто не чурался встреч с опальным социологом. Например, И. Кон («он относился совершенно с симпатией, он решительно все понимал») или Е. Петренко («она просто не смущалась своего положения»). В этом «спектре позиций разного типа», как его характеризует Левада, сам он себя видит человеком, нашедшим «нишу», где он может «естественно продолжать работать». Прилагательное «естественный» и его производные встречаются в тексте интервью многократно. Смысл этого слова не всегда очевиден: соответствующий «собственной сущности», «природе вещей», «ситуации»? Поведение Левады было скорее противоестественным по понятиям того времени. Тем не менее, эта характеристика субъективно важна для Левады, поскольку он снова и снова возвращается к ней, когда речь заходит о его жизненной позиции и стратегии выживания. Преимущества своей позиции он объясняет так: «Я посмотрел на этих, скажем так, маневрирующих моих добрых приятелей, и я им ни в какой степени не завидовал. Им же приходится то ли мучиться, то ли избавляться от каких-то регуляторов. [Им нужно было] бегать, светиться, изображать из себя и в меру критичных, и в меру верноподданных, чтобы понравиться, скажем, таким, а с другой стороны, не порвать с этими. Ну зачем это. Хорошо, что у меня само так получилось, что я стою в стороне» [9].

В постперестроечные годы Левада разработает концепцию «принципиальной двойственности (“двоемыслия”) советского человека как социально-антропологического типа», характерного для «советского, государственного, тоталитарного социализма» [17, с. 17, 23]⁸. Развитие этой концепции связано с пересмотром Левадой теории структурного функционализма — важной составляющей его работ раннего периода.

Проблема системности социальных явлений поставлена в монографии «Социальная природа религии», выросшей из докторской диссертации Левады [18]. В работе широко использованы английские, немецкие и, в меньшей степени, французские первоисточники. Эта порядком забытая книга должна стоять в ряду публикаций Мамардашвили, Гайденко, Кона, Ильенкова, Давыдова и других выдающихся

⁸ По свидетельству А. Левинсона, «если говорить как бы об основной теме Левады с самых первых лет, то его, вообще говоря, интересовал, прежде всего, конечно, человек, адаптировавшийся к репрессивному обществу, к тоталитарному обществу» [15].

исследователей тех лет, знакомивших советского читателя с западной философией и социологией и раскрывавших тесную связь марксистской теории с магистральными течениями мировой мысли. В книге есть дежурные места, где Левада говорит об успехах атеистической пропаганды в Советском Союзе, но в основе ее лежит тонкий анализ взаимоотношений человека и общества, веры и знания, эмоций и разума. Показав ограниченность просветительского взгляда на религиозные верования как суеверия и продукт малограмотности, Левада разбирает кантианскую идею о божественном как моральном абсолюте, затем дает анализ Гегеля, для которого вера и знание не противоположности, а две необходимые стороны исторического процесса. После этого он переходит к марксистской трактовке вопроса об общественном сознании как социально-исторической системе: «Реальным субъектом исторической деятельности является общество как система деятельности, социальный организм, движущийся по своим законам, которые объективны, “предметны”, по отношению к любому индивиду» [18, с. 33]. Хотя системный взгляд на вещи свойственен марксизму как философскому учению, поясняет Левада, «понятие о системе как особом предмете исследования, имеющем дифференцированную структуру, пробило дорогу в широкую науку и логику значительно позже, и в ощутимой мере уже в середине нашего века» [18, с. 40].

Имя Толкотта Парсонса не упоминается в монографии, но его теория вскоре займет важное место в разработках Левады. В основе теории Парсонса лежит идея взаимозависимости институционально-нормативной, ценностно-культурной и личностно-деятельностной систем, образующих социальную систему общества в целом. В классическом структурном функционализме все эти подсистемы должны работать сообща, обеспечивая стабильность общества в целом. В действительности социальная система не столько эмпирический факт, сколько постулат, ориентирующий исследователя на поиски признаков системности. С некоторой натяжкой всегда можно найти функционально согласованные компоненты в данном социальном целом, но в нем же присутствуют явления внесистемного и противосистемного порядка. Примером тому могут служить ценностные ориентации и поведение советского человека с его ярко выраженным двойственным сознанием.

На конференции 1967 года по ценностным ориентациям в Кяэрику Левада занимает осторожную позицию по поводу продуктивности понятия ценности: «Мне кажется, что удобного, всестороннего понятия ценности в науке нет... Универсального значения они [ценности], наверное, не имеют. И сделать из них этакий универсальный кирпич, из которого можно в ряду с другими строить все общество, не удастся» [10, с. 23, 25]. В этой связи он и указывает на феномен «формального конформизма» в советском обществе. Выводить поведение из ценностных

ориентаций, как это делает Парсонс, сложно в контексте такого общества. Скорее нужно действовать в обратном направлении — вычислять, что движет человеком, из его действий. Но в таком случае выясняется, что советский человек — это человек циничный, противоречивый. Официальные ценности советского человека, зафиксированные в моральном кодексе строителя коммунизма, мало согласуются с его поведением, а действительно важные неофициальные ценности зашифрованы. Постулат функциональной согласованности нормативной, культурной и поведенческой систем теряет здесь свою очевидность.

Отход Левады от классической модели структурного функционализма следует той же траектории, что и пересмотр теории Парсонса на Западе, где социальные конфликты 1960-х годов подорвали веру в стабильность социальных систем. В это время оппозиция структурному функционализму в США усиливается. Критики Парсонса доказывают, что его теория не способна отдать должное конфликтным процессам и объяснить изменение социальной системы как целого в отличие от внутрисистемных изменений, воспроизводящих устойчивую структуру. Роберт Мертон предпринимает попытку оживить структурно-функциональную парадигму, различив скрытые и латентные функции системы и ее функциональные и дисфункциональные последствия. В фestsрифте по случаю 65-летия Мертона Парсонс «чистосердечно соглашается» с позицией своего младшего коллеги, отрешивается от «сомнительной тенденции Дюркгейма видеть в обществе конкретную субстанцию», пересматривает свой ранний синтез Дюркгейма и Вебера в пользу последнего и выдвигает на первый план анализ «символических структур» и малоосознанных «ценностных ориентаций» как мотиваторов индивидуального действия [19]. Структурный функционализм вскоре потеряет свою «функциональную» составляющую и станет просто «структурным анализом». Артур Стинчкомб формулирует данную позицию в фestsрифте Мертона, с которой юбиляр в принципе соглашается: «...в основе процесса социальной структуры у Мертона стоит *выбор между социально структурированными альтернативами*» [20].

Другая линия развития социологической теории в период распада структурного функционализма связана с теориями А. Шютца и Г. Гарфинкеля. Сторонники феноменологической социологии и этнометодологии ориентируются на анализ релевантных структур жизненного опыта. Драматургический анализ Ирвинга Гофмана развивается примерно в том же направлении. Это особенно заметно в его поздней работе «Frame analysis» («Анализ фреймов»). Здесь автор акцентирует игровую природу социального действия и многообразие микроструктур, из которых социальные актеры могут конструировать собственную линию поведения и реструктурировать повседневную ситуацию [21–23]. Наконец, Г. Блумер, А. Страус, Н. Дензин, Г. Йоас и другие интеракционисты, следующие за Г. Мидом, развивают еще

одно направление в пост-функционалистской теории. Социологи, работающие в этой парадигме, исходят из неотвратимо творческого характера эмоционально выраженного и соматически воплощенного социального действия [24–28].

Во втором томе «Лекций» мы находим прозрачную критику системного подхода Маркса с его тенденцией растворять личность в социально-нормативных отношениях: «Ф.М. Достоевский в “Дневнике писателя” за 1877 год писал, что натура человека глубже, чем общество, и источники зла, дурного, греха, как он выражается, лежат в самой сердцевине человека... мы видим, как трудно, медленно изменяется человек в желаемом направлении, насколько наивны воззрения о том, что достаточно дернуть за какую-то ниточку и человек целиком сразу повернется в другую сторону... Поскольку человек — не только продукт наличного строя, а всей истории общества, он оказывается более глубоким и более сложным, чем наличное общество» [7, т. 2, с. 3, 7]⁹. Иначе говоря, человек это не просто животное политическое (Аристотель), сгусток наличных социальных отношений (Маркс), но животное, использующее политические средства для удовлетворения своих инстинктов и потребностей. Последние испытывают на себе влияние общества, изменяясь по мере его эволюции, но они же тормозят развитие социальных отношений и препятствуют попыткам произвольно насаждать институциональные формы.

В статье 1984 года об антропологических предпосылках экономического действия Левада говорит о «неприменимости к культурным феноменам признаков функциональности... Культуру же методологически правильнее было бы представлять не как функционально-организованный механизм, а как систему значений, приобретающих действительность и смысл (организованность) только в процессе их использования... потенциальный арсенал культурных значений и структур формируется исторически, временные параметры таких структур по определению несводимы к социально-организационным системам» [29, с. 90, 91]. Его позиция близка к постфункциональному структурализму Мертон-Стинч-комба. Личный выбор индивида, согласно Леваде, соотносится здесь с заданным набором альтернатив: «Отсюда и неизбежность активного выбора действующим субъектом (индивидуальным или организованным) культурных ориентиров собственного поведения из набора потенциальных альтернатив» [29, с. 91].

Эта мысль развивается в ключевой статье об игровых структурах. Левада особо отмечает ее в гарвардском интервью («Лучшее из того, что

⁹ Эта мысль перекликается с более поздней статьей (1983) «Проблемы экономической антропологии у К. Маркса» [13], но критика антропологии Маркса в ней завуалирована.

я напечатал всерьез, по-моему, это статья об игровых системах») [9]. Теоретическая направленность этого концепта веберианская: «игровая структура — это идеально-типическая категория... Игровое действие так или иначе институционализировано в определенных системах культурных значений, причем последние могут носить как универсальный, так и локальный характер (неофициальный, субъективный, контркультурный, и т. д.)» [30, с. 99, 100]. Но непосредственный источник этого теоретического жеста — микроструктурализм Ирвинга Гофмана. Левада цитирует «Frame analysis» несколько раз в своей работе. Его привлекает идея многообразия игровых структур, стратегической роли камуфляжа и мгновенной смены масок в повседневной ситуации — характеристики, интимно связанные с бытием советского и, как со временем выяснится, постсоветского человека. Он не возвращается к теоретической разработке этой идеи в последующих работах, но дух этой концепции ощутим в его интерпретациях эмпирических данных и замечаниях об «игровом характере процедур общественной политики» [31, с. 219] и «хаотическом порядке» [32, с. 17] в постперестроечной России.

* * *

Последний период творчества Левады совпадает с перестройкой и становлением постсоветского режима. Именно в это время у него возникает возможность связать теоретический анализ с оперативными данными об общественном мнении на базе исследований ВЦИОМа. Здесь же возникает возможность, или видимость возможности, влиять на ход политических событий в стране. Сравнивая отечественную социологию во времена «оттепели» и перестройки, Левада замечает: «Немногие помнят специфическую атмосферу тех лет, когда никаких новых общественных ориентиров не существовало, но как будто появилась новая возможность окунуться в среду языка, стиля, методов социального мышления, заметно отличную от доминирующей идеологической догматики. Этого оказалось достаточно, чтобы начать социологические исследования... К концу 80-х годов, когда возник новый общественный интерес к социологической работе, проблема позиции исследователя приобрела новый смысл. Главным стимулом социолога стало стремление участвовать в наметившемся общественном обновлении» [33]. Позиция социолога как радикально включенного наблюдателя весьма привлекательна. Поиск баланса между теоретической, эмпирической, политической и личной составляющей исследовательской практики в этой необычной ситуации становится жизненно важной задачей Левады в этот период.

Оглядываясь на десять лет работы ВЦИОМа, Левада признает, что не все ожидания перестроечной поры бури и натиска оправдались. Он вспоминает, что в советские годы многим тогдашним социологам, и ему в том числе, «казалась сомнительной сама возможность изучать общественное мнение в стране, где не признавался ни политический, ни даже

коммерческий выбор» [34, с. 555]¹⁰. Со временем его позиция меняется. Теперь он признает теоретическое и практическое значение исследований общественного мнения, хотя и понимает, что изначальные посылки, на которых строились первые опросы его центра, нуждаются в уточнении: «Характерная политическая (а также и исследовательская) иллюзия “начального” периода — явное преувеличение роли переменчивых настроений и недооценка стереотипов консервативного сознания; как всякая иллюзия, она стимулирует разочарования и ламентации разного рода» [35, с. 407]¹¹. Замеры общественного мнения в крайне нестабильной ситуации пореформенной России не могут вывести напрямую к повседневной практике, к реальным перспективам политического выбора. И если в ранний период случалось, что «ответы на отдельный вопрос... исследователи принимали за фундаментальную установку, словесно выраженные оценки — за готовность действовать в определенном направлении», то с опытом приходит осмотрительность: «Учиться понимать значение получаемого материала приходилось — да и сейчас приходится — на ходу, в процессе работы» [34, с. 560].

По природе своей общественное мнение реактивно: оно откликается на злобу дня и отвечает на заданные вопросы, но у него нет возможности изменить парадигму политического дискурса. «Общественное мнение в принципе не создает варианты конструкции или оценок, а “только” выбирает из предложенного “меню”. Обязанность политической элиты — предложить населению определенные варианты выбора» [36]. Но политические элиты постсоветского периода не справляются с этой задачей, оставляя человека во власти его давних привычек и инстинктов. И здесь вновь встает проблема двоемыслия, рассогласованности слова и дела в тоталитарных и квазитоталитарных обществах: «Модель классического советского двоемыслия казалась в эти годы опрокинутой и сравнительно легко ушедшей в прошлое. Однако, как видно сейчас, начавшаяся трансформация была более сложной. Модель держалась на страхе, привычке, отчасти — на

¹⁰ Теперь Левада с досадой замечает, что участники дискуссии о роли общественного мнения в стране поменялись ролями: «Приходится слышать сетования о том, что в стране несостоявшейся демократии по-прежнему нет и настоящего общественного мнения; огорчительно слышать такие суждения от людей, которые внесли серьезный вклад в организацию исследований именно в этой области» [34, с. 555].

¹¹ Лев Гудков вспоминает: «Ни у него, ни у сотрудников его бывшего сектора в ИКСИ или тех, кто позднее, уже на семинаре, присоединился к его кругу, не было серьезного опыта эмпирических социологических исследований. Но были энтузиазм первооткрывателей, пыл собранных снова вместе близких людей, какие-то общие идеи и горячее желание их проверить или разобраться в том, что такое “советское общество-государство”» [12].

иллюзиях. Когда развеялся страх, и привычка жить по “двойному стандарту”, и иллюзии относительно его полезности сохранились... Сейчас не подлежит сомнению, что за пять лет нельзя было ожидать фундаментальной трансформации общественного сознания, в том числе — и даже тем более — на уровне социальной личности, антропологического материала общества. Ситуация глубокого общественного перелома, которую переживает общество, ранее именовавшееся советским, не столько формирует *новые*, не существовавшие ранее ориентиры и рамки общественного сознания, сколько *обнаруживает*, выводит на поверхность его скрытые структуры и механизмы» [35, с. 407, 412]¹².

По определению Льва Гудкова, близкого сотрудника Левады, постсоветская Россия принадлежит к типу «обществ с запаздывающей или догоняющей модернизацией, где институты, относимые (в соответствии с процедурами аналитических таксономий) к разнообразным эпохам и состояниям, присутствуют в действительности “одновременно”» [12]. Описывать в теоретических терминах такого рода многоукладный строй сложно. Еще труднее предсказывать траекторию развития этой малоупорядоченной социальной системы. По замечанию Кона (комментарии к гарвардскому интервью), структурно-функциональные модели в этих условиях работают плохо. Но к началу перестройки Левада от них уже отошел. Его теоретическая ориентация навеяна моделями игрового поведения, а также известным в исследованиях переходного периода разделением между «участием» и «мобилизацией» (*participation and mobilization*). Первое относится к устоявшейся демократии, где индивиды имеют политический выбор и могут принимать реальное участие в смене режима, второй отмечен искусственно нагнетаемой атмосферой кризиса, в которой власти могут манипулировать общественным мнением и электоральным процессом.

¹² Вот как та же мысль сформулирована в главе о российской политической культуре, написанной Левадой для коллективного труда «Russian culture at the crossroads: Paradoxes of postcommunist consciousness» («Русская культура на перепутье: парадоксы посткоммунистического сознания»): «Прежние тоталитарные структуры и авторитарный менталитет отнюдь не разрушены; они продемонстрировали замечательную приспособляемость и готовность к социальной мимикрии. Лояльность к антидемократической политике проявляют средства массовой информации, и прежние стереотипы все еще доминируют в общественном мнении. Основания для устойчивости старых установок следует искать в российской политической традиции, национальной гражданской культуре, которая была сохранена и усилена советским режимом. Авторитаризм, подкрепленный насилием и всеобъемлющим патернализмом, практически всеобщее игнорирование правовых норм и процедур, нетерпимость к инакомыслию являются наиболее отличительными чертами российской гражданской культуры» [1, р. 300].

Постсоветское общество, по определению Левады, это общество с ярко выраженными мобилизационными свойствами: хроническим раздражением, повышенным уровнем страха, ощущением перманентного кризиса и «государственно-организованной ксенофобией — от несколько приевшейся уже чеченофобии до периодически возрождаемой западофобии и новомодной грузинофобии и т. д.». Двоемыслие является важным атрибутом людей в мобилизационных обществах. А человек раздвоенный — это человек расстроенный. «Рассеянное и беспомощное массовое недовольство на деле служит средством нейтрализации и обесценивания протестного потенциала, а в более широком плане — средством оправдания сложившейся системы государственного произвола и общественной беспомощности. Вынужденная апелляция недовольных групп к власти предрежающей усиливает их зависимость от правящей бюрократии». Разрыв между декларируемыми ценностями и поведением здесь принципиальный. В 2005 году «к акциям протеста относились с одобрением или пониманием 76% опрошенных (неодобрительно 16%). Готовность принимать участие в акциях протеста выражали 27% против 57%. Но *реально участвовало* в них по всей стране *в сто раз меньшее* число людей — около 200 тыс., то есть примерно 0,2% взрослого населения или 0,3% сочувствующих протестным выступлениям» [37]. Само понятие общественного мнения и ценностной ориентации здесь становится проблематичным.

В этой ситуации Левада и его сотрудники концентрируются на исследовании феноменологических типов постсоветского человека и его игровых стратегий, компенсируя ограниченность и противоречивость эмпирических данных аналитической утонченностью и полетом теоретической фантазии. В коллективной работе о советском человеке разбираются ключевые типажи — «человек лукавый», «человек недовольный», «человек ограниченный», «человек приспособленный» — и их многочисленные итерации [38]¹³. Описывая ценностные ориентации и поведенческие

¹³ Скорее всего, мы имеем здесь дело не с разными типами людей, а с многочисленными масками, которыми индивид может воспользоваться в разных обстоятельствах. Человек вообще подобен неклассическому объекту квантовой механики: пока мы не смотрим на микрочастицу, она существует как пучок вероятностей, движется во всех направлениях сразу, и только в процессе измерения конституируется как объект с определенной позицией, массой, ускорением, и т. д. Так и человек: пока он сам по себе, у него множество амбивалентных чувств, настроений, тенденций, и только в конкретной ситуации, когда приходится действовать (например, голосовать на выборах или заполнять анкету), он с некоторой вероятностью занимает ту или иную позицию. Это свойство присуще любому сообществу, но в постсоветской среде неопределенность, непредсказуемость, обманчивость наблюдаемого поведения особенно очевидна. Отсюда, между прочим, вытекает, что надежность и достоверность данных об общественном мнении находятся в отношении неопределенности: их нельзя максимизировать одновременно с произвольной точностью. Экологическая достоверность из-

гамбиты этого периода, Левада характеризует их как «амбивалентные», «парадоксальные», «противоречивые», а общественную ситуацию в целом как «хаотичную». Действительно, чувства-перевертыши, аттitudes-обманки, декларации-розыгрыши изобилуют в постсоветской России. Их тоталитарные корни у всех на виду, но от этого они не становятся более заметными.

В своих комментариях к гарвардскому интервью В. Ядов подтверждает, что Левада пытался влиять на ход событий в стране и призывал своих коллег делать то же самое. С начала своей работы во ВЦИОМе Левада стремился оказывать сильное влияние на политический процесс в России. Он выступал одновременно как полстер, политолог и журналист, а также как гражданин, глубоко озабоченный судьбой страны. Результаты его опросов и регулярные обзоры политической ситуации в России интересовали профессионалов и политиков, читателей газет и телезрителей и оказывали определенное влияние на ход событий, во всяком случае, в период перестройки и в годы Ельцина. «По некоторым сведениям, [наша] информация сыграла свою роль в том, что план карательной экспедиции по отношению к странам Балтии так и не был приведен тогда в действие. Через 3–4 года нам пришлось многократно выяснять отношение российского населения к военным акциям в Чечне и сообщать о нем широкой публике. В какой-то мере это помогало общественным протестам против войны и содействовало ее прекращению в 1996 году» [32, с. 561]. Но к началу нового тысячелетия Левада занимает скептическую позицию по поводу роли социологии в трансформации общества: «Представления о том, что социальная наука (в данном случае социология общественного мнения) служит интересам общества, — не более чем увлекательная метафора» [33, с. 60].

Возможность влиять на ситуацию снижается по мере продвижения к управляемой демократии и внедрения жестких административных методов контроля над гражданским обществом. В последних работах и интервью Левады усиливаются ноты пессимизма. В статье о «человеке недовольном», увидевшей свет уже после смерти Левады, он пишет о том, как «трудно представить появление “нормальных” путей общественного недовольства... Никакой перебор сегодняшних компонентов общественной жизни (в том числе с помощью массовых опросов) не способен обнаружить ни в озабоченных “низах”, ни в более удовлетворенных “элитарных слоях” реальных “ростков” иной системы отношений между человеком, обществом и государством» [37]. В этих условиях у Левады вновь прорезается интерес к систем-

мерений растет по мере того, как их надежность падает, тогда как надежность увеличивается в лабораторных, искусственных условиях, где «прочие» факторы нейтрализуются по принципу *ceteris paribus* (см. [39]).

ным теориям и функциональным объяснениям: «Когда-нибудь, после исторической переоценки нынешних общественных пристрастий, перемены и катаклизмы, например, минувшего столетия послужат конкретными примерами действия структурно-функциональной парадигматики» [33, с. 353] Уточняется и соотношение гражданской, профессиональной и личной составляющей в ролевом наборе Левады. В обзорной статье последнего периода Юрий Александрович формулирует свое кредо, говорит о своем поколении и положении интеллигенции в постсоветском обществе:

«Я не намерен в данном случае кого-либо осуждать или оправдывать, моя профессиональная задача только в том, чтобы попытаться понять, почему стало возможным именно то, что происходит. Парадоксы — хаотический порядок, радикальные сдвиги без дальних расчетов. Не думаю, что нам, по крайней мере, моему поколению (“шестидесятников”), удастся увидеть какой-то иной способ существования общества.

В этом способе одни страдают, другие терпят, третьи ищут возможность адаптироваться. Непривычно и неуютно чувствуют себя вчерашние интеллигентные “властители дум” общества. Это сложная тема, и ее не хотелось бы касаться мимоходом. Мавра, который сделал свое дело, редко благодарят при его уходе (точнее при смене роли). Говорить сегодня и на перспективу о какой-то особой и единой роли в обществе интеллигенции как целого нельзя. Но для специалистов социального знания эта роль всегда определяется формулой Спинозы: не радоваться, не огорчаться, а понимать» [32, с. 18].

Сравнение Левады со Спинозой более чем уместно. Оба были отлучены от своего сообщества, подверглись гонениям со стороны государства, отстаивали независимость познавательного процесса от власти предрешающих. Но если эту параллель довести до конца, то нужно более пристально взглянуть в Леваду как личность, как человека частного, и сопоставить его с общественным «феноменом Левады» [40].

* * *

Люди близко знавшие Леваду, отмечают в нем прежде всего человеческие качества. Лев Гудков видит в Леваде мыслителя, философа, «брата Пифагора, Монтеня или Гераклита» [12]. Для Алексея Левинсона Левада «праведник, без которого не стоит село» [40]. Бориса Дубина восхищает в Леваде его «безукоризненная научная честность и человеческая порядочность» [41]. В собранных комментариях Левада предстает как человек, которого отличали «интеллектуальная терпимость» (Кон), «мужество и самообладание» (Шляпентох), «именно самостояние, а не противостояние» (Алексеев), «присутствие мысли во всех делах — победа умной силы» (Фирсов), «равнодушие к всякого рода “пряникам”, которыми начальство соблазняло слабых» (На-

зимова и Шейнис). Этот человек «не любил ни жаловаться, ни качать права, ни обременять других своими заботами [и] принадлежал к редкому типу мягких мужчин, у которых мягкость является проявлением не слабости, а спокойной, свободной от агрессивности и показухи силы» (Кон). Мудрость Левады — в его стремлении прояснить, прежде всего, себе, устройство мира. А это требует особого баланса отстраненности и включенности в реальность: «Я загораживаюсь тем, что я — наблюдатель, я — скептик, моя задача исследовать», — говорит Левада в своем последнем телеинтервью [42]¹⁴.

Но в одном отношении Левада не похож на своих философских предшественников, например, таких как Монтень, которые сделали свою частную жизнь предметом интенсивного исследования. Левада — человек общественный *par excellence*. Его частная жизнь — вне поля зрения. Что меня удивило в многочисленных сообщениях о смерти Левады, это отсутствие каких-либо сведений о его частной жизни. Такого рода сведения обычно включаются в некрологи, но в данном случае они отсутствуют. Надо полагать, что эта лакуна согласуется с личностными особенностями Левады. Работа, профессия, научный подвиг — главные составляющие жизни Юрия Александровича. В гарвардском интервью Левада говорит о себе: «Вы знаете, я довольно одинокий волк всю жизнь. У меня много добрых приятелей, но я очень затрудняюсь называть людей слишком близкими друзьями» [9]. Это подтверждают его коллеги и друзья. «Я бы сказал, что он суровый человек. Вообще, прежде всего в отношении к себе. [Его выделяло] неизбежное одиночество» (Гудков). «Ю. Левада был скуп на слова, разговорить его, тем более с целью подробно объяснить свое научное и нравственное кредо, было трудно» (Фирсов). «Юрий, будучи добросердечно расположенным к тем, кого причислял к “своим”, не отличался излишней откровенностью» (Ядов). «Левада вообще [был] очень сдержанный и даже суховатый человек» (Шляпентох)¹⁵.

Хочется верить, что люди, знавшие Леваду и принимавшие участие в его семинарах, еще напишут мемуары об этом необычном человеке и его круге. Б. Докторов отмечает важность сохранения архива Левады. Ведущую роль здесь должны сыграть соратники Юрия Александровича. Быть может, со временем удастся открыть на сайте «Международная биографическая инициатива» страничку мемуаров о Леваде. Ее прообразом может стать аналогичный проект, посвященный воспоминаниям об Ирвинге Гофмане, который размещен в социоло-

¹⁴ Существует и видеозапись этого интервью, <http://community.livejournal.com/shkola_zlo/32400.html>.

¹⁵ Цитаты из комментариев к гарвардскому интервью (см. выше). — Прим. ред.

гической библиотеке сайта Центра демократической культуры Университета Невады [43]¹⁶.

При всей своей сдержанности и замкнутости Левада, несомненно, был человеком увлеченным. Он считал, что «настоящее дело может делаться лишь со страстью» [12]. Его ближайшие сотрудники видят в этом ключевую особенность Левады как мыслителя, и это очень верно. Здесь на ум приходит «Этика» Спинозы, где автор связывает разум и эмоции: «Под эмоцией (*affectus*) я понимаю те модификации тела, которые увеличивают или уменьшают способность тела к действию, побуждают или обуздывают его, а вместе с этим и идеи, связанные с таковой модификацией» [46]. Согласно Спинозе тело и дух — одна субстанция. Эмоции, действия и идеи неразрывно связаны: наши мысли кристаллизуются в ответ на эмоциональные события и в то же время трансформируют последние. Страсть перестает быть слепой, когда мы ее понимаем, схватываем как идею. Мысль способна облагородить эмоции и действия, а последние в свою очередь корректируют наш образ мысли. Когда дискурс слишком отрывается от эмоционально-ценностного ряда, он теряет силу, прозорливость, становится формулой. Но когда дискурс полностью отдается эмоциям, он оказывается рационализацией наших инстинктов. Посему так важно, чтобы эмоции наши были интеллигентными, а интеллект эмоционально здоровым¹⁷. Принцип Спинозы — не радоваться, не огорчаться, а понимать — требует от мыслителя разумной страсти, готовности эмоционально отстраниться, действовать практически. Когда эмоции соединяются с разумом, они становятся ценностными ориентациями, способными подвигать человека к разумным действиям. Об этом, мне кажется, Левада говорил на конференции в Кяэрику: «Сами по себе знания, вне ценности и вне норм, не действуют, они лежат в сундуке, их надо запрячь в колесницу, их надо запрячь в систему каких-то ценностных ориентаций» [10, с. 28]¹⁸.

Левада ищет баланс включенности и отстранения в своей работе, возможность влиять на ситуацию, оставаясь при этом не полностью

¹⁶ См. об этом [44]. Примером обсуждения исторической персоны в программе МБИ может также послужить дискуссия о личности и творчестве Геннадия Батыгина между Н. Мазлумяновой и Д. Шалиным [45].

¹⁷ Хочу заметить, что для меня не вполне ясно, в какой мере Левада воплотил этот идеал в разных сферах своего бытия. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать его частную жизнь, где репрессивные порядки часто оставляют свой неизгладимый след на людях с негибкой волей и чувством собственного достоинства. О личной цене «самостояния» (Алексеев) и противостояния в российской культуре см. [44].

¹⁸ Родственная мысль звучит в последнем телевизионном интервью Левады, где он настаивает, что «знать, это ведь тоже не головная вещь, это то, что должно быть в теле» [42].

ангажированным. По мнению близких ему людей, эта позиция не встречала понимания в социологическом сообществе. Отсюда «игнорирование работ Левады, равнодушие или отсутствие интереса к тому, о чем он писал, по законам нечистой совести — эта глухота, дистанцирование, отчуждение были вынуждены принимать характер декларативного почитания» [12]¹⁹.

Была ли у Юрия Левады своя школа? На этот счет существуют разные суждения, и все они имеют право на существование. Мне близка позиция Алексея Левинсона: «...школы нет, но есть заданные тем коллективом, который когда-то был сплочен Левадой, принципы... Эти принципы столь же этические, сколь технические, столь же теоретически обоснованы, сколь практически обкатаны» [40]. Семинары 1960-х и 1970-х годов сейчас не в моде, но тогда они сыграли исключительную роль, обеспечивая непрерывность традиции научного поиска и человеческих отношений. Семинар Кона и Ядова по ценностным ориентациям в ленинградском отделении ИКСИ, семинар Левады по социальной теории в московском отделении ИКСИ, семинары в Центральном экономико-математическом институте, Институте философии, Институте этнографии — те, кому посчастливилось стать звеном в этих длинных семиотических цепях истории, никогда не забудут атмосферы встреч и обсуждений тех лет. Важен здесь именно этос — этика служения науке, эмоциональный тонус свободного поиска, чувство включен-

¹⁹ Там же Гудков подчеркивает «конформизм, трусость и цинизм профессиональной среды или образованного сообщества в целом, умственную лень, интеллектуальную неспособность социологического сообщества к рецепции сложных идей... Образованная публика, в том числе — и научная, может усваивать только вторичные, отмаркированные чьим-то вненаучным авторитетом (раньше это были властные структуры, сегодня — модные западные авторы) продукты и идеи» [12]. В этом суждении мне слышится не совсем левадовская безапелляционность. Более взвешенным представляется суждение Дубина: «Сам он был теоретиком, что называется, от бога: его считанные, но так и не прочитанные научным сообществом статьи как будто бы немого десятилетия 1974–1984 гг. в конспективном наброске представляют единственный на тот момент в России, да и по сей день теоретический проект социологии как самостоятельной дисциплины. Почтительные ссылки на них как будто бы встречаются в журналах и книгах — идеи же по-прежнему не обсуждены, не взяты в работу. Или я ошибаюсь?» [41]. Действительно, задача осмысления и освоения наследия Левады остается нерешенной, но ее лучше осуществлять коллективными усилиями социологов с различными ориентациями.

ности в общее дело независимо от статуса и уровня знаний²⁰. Юрий Александрович Левада воплощал этот научный этос, быть может, больше, чем кто-либо еще из его маститых коллег. И в этом мне видится его главная заслуга перед социологическим сообществом.

* * *

В заключение несколько слов о транскрипции интервью. Качество магнитофонной записи, на основе которой подготовлена эта публикация, неважное, что вызвало сложности с расшифровкой фонограммы. В обычной ситуации респондент лично может отредактировать вариант для печати, но Юрий Левада этого сделать не успел. Не так уж сложно было бы подчистить текст, сгладить слишком резкие переходы, но мне хотелось передать стихию живой разговорной речи, и поэтому я по возможности сохранил особенности вербального ряда с его шероховатостями, которые обычно исчезают при редактировании. Интервью, представленные в проекте «Международная биографическая инициатива», обычно подвергались значительной редакторской правке, в которой принимали участие респонденты, интервьюеры и редакторы. В большинстве случаев, надо полагать, это делу не мешало, но чрезмерное редактирование могло исказить особенности речевого поведения респондента. Проблема перевода дискурса из одной медийной системы в другую заслуживает особого внимания, но она требует отдельного рассмотрения.

В целях сохранения стихии живой разговорной речи транскрипция интервью подвергалась минимальной стилистической правке. Длительные паузы, смысловые разрывы и перебивки обозначены многоточием. Расчленение речевого потока на отдельные предложения делалось, прежде всего, с целью облегчить чтение текста. То же касается и расстановки знаков препинания. В тех случаях, когда голоса респондента и интервьюера накладываются, их речевые ряды разведены. Междометия и повторяющиеся слова типа «вот», «там», «значит» опущены. В квадратных скобках содержатся слова, добавленные редакторами с целью пояснить ход мысли, а также не полностью расшифрованные имена. Вопросы ведущего в некоторых случаях уточнены и слегка сокращены.

Хочу поблагодарить моих коллег по проекту «Международная биографическая инициатива» Бориса Докторова, Андрея Алексева, Бориса Фирсова, Наталию Мазлумянову и Ларису Козлову за советы по редактированию текста интервью и самоотверженную работу по сохранению памяти о людях, с которыми нам довелось делить судьбу.

ЛИТЕРАТУРА

²⁰ Этос науки входит в проблематику конференции «Биокритика культуры и культура биокритики», запланированной на ноябрь 2009 года в Центре демократической культуры Университета Невады в Лас-Вегасе.

1. *Levada Y.* Civic culture // Russian culture at the crossroads: Paradoxes of postcommunist consciousness / Ed. by D.N. Shalin. Boulder: Westview Press, 1996. P. 299–312.
2. *Докторов Б.* «Международная биографическая инициатива»: между Россией и Америкой // Полит.ру [online]. Обращение к документу: 05.03.2008. URL: <<http://polit.ru/science/2006/08/16/dohtur.html>>.
3. *Shalin D.N.* Comments on the history of Russian sociology project // The International Biography Initiative [online]. Date of access: 05.03.2008. URL <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/shalin_comments1.html>.
4. *Алексеев А.* К вопросу об истории российской социологии в лицах // Международная биографическая инициатива [online]. Обращение к документу: 05.03.2008. URL <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/alekseev.html>>.
5. *Докторов Б., Козлова Л.* Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев: рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии // Международная биографическая инициатива [online]. Обращение к документу: 05.03.2008. URL <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_kozlova.html>.
6. *Докторов Б., Мазлумянова Н.* О том, что есть и чего нет в опубликованных интервью // Международная биографическая инициатива [online]. Обращение к документу: 05.03.2008. URL: <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/Mazlumyanova-Doktorov.html>>.
7. *Левада Ю.* Лекции по социологии: В 2 т. М.: ИКСИ АН СССР, 1969.
8. *Левада Ю.А.* «Научная жизнь — была семинарская жизнь» // Международная биографическая инициатива [online]. Обращение к документу: 05.03.2008. URL: <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada.html>>.
9. *Левада Ю.* «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе» // Международная биографическая инициатива [online]. Обращение к документу: 05.03.2008. URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada_90.html>.
10. *Левада Ю.* Выступление на конференции // Материалы встречи социологов. Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация. Кязрику–1967. Тарту, 1968.
11. Meeting protocols and resolutions related to the Yuri Levada affair, 1969–1971 // The International Biography Initiative [online]. Date of access: 05.03.2008. URL: <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Documents/levada.html>>.
12. *Гудков Л.* Социология Юрия Левады: опыт систематизации // Полит.ру [online]. Обращение к документу: 05.03.2008. URL: <<http://www.polit.ru/research/2007/09/13/gudkov.html>>.
13. *Левада Ю.А.* Проблемы экономической антропологии у К. Маркса // Левада Ю.А. Статьи по социологии. М.: Изд. Фонда Макартуров, 1993.
14. *Эткинд Е.* Второй суд над Бродским // Эткинд Е. Записки незаговорщика. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1977. P. 439.
15. Памяти Юрия Левады // Радиостанция «Эхо Москвы». «Лукавая цифра», 21.11.2006 [online]. Обращение к документу: 05.03.2008. URL: <<http://www.echo.msk.ru/programs/figure/47674>>.
16. *Кон И.* «...Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз» // Международная биографическая инициатива [online]. Обращение к документу: 05.03.2008. URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/kon_96.html>.

17. *Левада Ю.* Общественное мнение в год кризисного перелома // Ю.А. Левада. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
18. *Левада Ю.* Социальная природа религии. М.: Наука, 1965.
19. *Parsons T.* The Present status of “structural-functional” theory in sociology // The idea of social structure. Papers in honor of Robert K. Merton / Ed. by L.A. Coser. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975. P. 67, 69, 72, 78.
20. *Stinchomb A.L.* Merton’s theory of social structure // The idea of social structure. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975. P. 12.
21. *Schutz A.* Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt: eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Wien: J. Springer, 1932.
22. *Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. Englewood, NJ: Prentice Hall, 1967.
23. *Goffman E.* Frame analysis. New York: Harper, 1974.
24. *Blumer H.* Symbolic interaction: Perspective and method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1969.
25. *Strauss A. Glaser B.* The discovery of grounded theory: Strategies in qualitative research. Chicago: Aldine Transactions, 1967.
26. *Joas H.* The creativity of action. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.
27. *Denzin N.* The logic of naturalistic inquiry // Social Forces. 1971. Vol. 50. P. 166–182.
28. *Shalin D.* Pragmatism and social interactionism // American Sociological Review. 1986. Vol. 51. P. 9–30.
29. *Левада Ю.А.* Культурный контекст экономического действия // Левада Ю.А. Статьи по социологии. М.: Изд. Фонда Макартуров, 1993.
30. *Левада Ю.А.* Игровые структуры в системах социального действия // Левада Ю.А. Статьи по социологии. М.: Изд. Фонда Макартуров, 1993.
31. *Левада Ю.* Комплексы общественного мнения // От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
32. *Левада Ю.А.* Время парадоксов. Социологические размышления // Левада Ю.А. Статьи по социологии. М.: Изд. Фонда Макартуров, 1993.
33. *Левада Ю.А.* Ищем человека. Социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 60.
34. *Левада Ю.А.* Наши десять лет: итоги и проблемы // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
35. *Левада Ю.А.* Возвращаясь к феномену человека советского: проблемы методологии анализа // Левада Ю.А.. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 407.
36. *Левада Ю.А.* Общественное мнение на переломе эпох: ожидания, опасения, рамки: к социологии политического перехода // Левада Ю.А. Статьи по социологии. М.: Изд. Фонда Макартуров, 1993. С. 202.
37. *Левада Ю.А.* Человек недовольный? // Полит.Ру [online] Обращение к документу: 05.03.2008. URL: <<http://polit.ru/research/2006/11/20/dishuman.html>>.
38. *Левада Ю.А.* Человек советский пять лет спустя: 1989–1994 // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

39. *Shalin D.* Pragmatism and social interactionism // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. P. 20. Date of access: 05.03.2008. URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_psi.pdf>
40. *Левинсон А.* Держатель нормы. Юрий Александрович Левада (1930–2006) // *Отечественные записки* [online]. Обращение к документу: 05.03.2008. URL: <<http://www.strana-oz.ru/?numid=33&article=1390#s4>>.
41. *Дубин Б.* Образ и образец: памяти Юрия Левады (1929–2006) // *Международная биографическая инициатива* [online]. Обращение к документу: 05.03.2008. URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/dubin_levada.html>.
42. Юрий Левада в передаче «Школа злословия», 7 ноября 2005 года // *Международная биографическая инициатива* [online]. Обращение к документу: 05.03.2008. URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada_tolstaya.htm>.
43. *Shalin D.* Goffman's biography and the interaction order: A study in pragmatist hermeneutics // *The International Biography Initiative* [online]. Date of access: 05.03.2008. URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/interactionism/comments/shalin_goffman_intro.html>.
44. *Shalin D.* Signing in the flesh: Notes on pragmatist hermeneutics // *Sociological Theory*. 2007. Vol. 25. P. 193–224. (См. также: *Shalin D.* Signing in the flesh: Notes on pragmatist hermeneutics // *The International Biography Initiative* [online]. Date of access: 05.03.2008. URL: <<http://www.asanet.org/galleries/default-file/Sept07STFeature.pdf>>.)
45. *Mazlumyanova N., Shalin D.* On Gennady Batygin and alternative interview practices // *The International Biography Initiative* [online]. Date of access: 05.03.2008. URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/mazlumyanova_shalin_06.html>.
46. *Spinoza B.* *Ethics*. London: J.M. Dent & Sons Ltd., 1910.